

ляться только в четные годы, а в нечетные ее почти не приходит. Вот нынешней год ее было столько, что все реки испортились от гнилой рыбы.

Не знаю, какая участь постигла Ваших в то время товарищей Сергея Николаевича, Всеволода Павловича, (2*) где они сейчас, чем занимаются. Последнее письмо от Сергея Николаевича получили в [19]12 году, в котором он обещал еще раз написать, но так мы и не получили больше ничего. Что с ним случилось, не знаю. Был бы на много Вами обязан, если бы Вы написали мне о Вашем житье-бытье, здоровье, а также о Сергее Николаевиче.

Просил бы Вас не отказать писнуть мне письмецо. Возможно, Вас что заинтересует, а я тут не много по мыкался по горам, тундрам и озерам, возможно, был бы чем Вам полезен. Вот на днях я только закончил ремонт телеграфной линии на своем участке, вернулся в Кихчик, и можете ли представить, я подхожу к заводу, а оттуда снялся тральщик, на котором выехал Панин в Петропавловск, так и не пришлось его увидеть – такое огорчение. Он работает в КО ТИРХе (Камчатское отделение Тихоокеанского института рыбного хозяйства) и был здесь в Кихчике по изучению сельди. Сезон закончился, и он выехал в Петропавловск. Так, заканчивая на этом свое такое письмо, прошу Вас Владимир Леонтьевич, не забудьте нас Камчатских жителей, пишите письмо. Я буду считать долгом гражданина ответить на Ваше письмо. На столько, на сколько развит мой узкий кругозор. Шлю свой пламенный привет. О Вас я всегда помнил, и буду помнить.

До свидания. С соверш[енным] к Вам почт[ением] Бурнашев Павел Григорьевич. Кихчик. Камчатка.

от 4 октября 1934 г.» (11)

1. *Ширина Д. А.* Летопись экспедиций академии наук на Северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск, 1983. С. 3–20.
2. *Шмидт П. Ю.* Зоологический отдел. М., 1916. С. 355–360.
3. *Шмидт П. Ю.* Зоологический отдел. М., 1916. С. 34–235.
4. *Тошов В. Н.* По западному берегу Камчатки // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. СПб., 1906. Т. XXXVII. № 2. С. 36.
5. *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. Петропавловск-Камчатский, 2008. С. 126, 128.
6. *Новограбленов П. Т.* Школьная летопись // Камчатский летописец. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 517.
7. *Sten Bergman.* Kamtchatka Stockholm / пер. М. Федорова. 1928. P. 330.
8. Там же. С. 331.
9. Там же. С. 340.
10. Там же. С. 368.
11. Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Ед. хр. 364.

Примечания:

1* – Панин Кирилл Иванович – известный ученый, стоял у истоков рыбохозяйственной науки на Дальнем Востоке. Родился в 1911 г. в Санкт-Петербурге.

В 1928 г. Кирилл Иванович окончил школу-девятилетку. В 1929 г. поступил в Ленинградский государственный университет на биологический факультет, который окончил в 1933 г.

По окончании университета Наркомпросом РСФСР К. И. Панин был отправлен на постоянную работу на Дальний Восток в распоряжение Всесоюзного Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИРХ, позже ТИНРО). С сентября 1933 г. по сентябрь 1955 г. работал в Камчатском отделении ТИНРО научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующим лабораторией промысловой ихтиологии, директором отделения.

Свою работу на Камчатке К. И. Панин начинал в наблюдательном пункте по изучению сырьевой базы сельди в Кихчинском районе.

С 1955 по 1963 г. Кирилл Иванович – директор ТИНРО (г. Владивосток).

2* – Сергей Николаевич Поршняков, студент-естественник Петербургского университета, участвовал в экспедиции на свои средства.

Всеволод Павлович Савич, студент-естественник Петербургского университета, участник экспедиции. Входил в состав Ботанического отряда экспедиции, занимался коллектированием и изучением споровых, в особенности лишайников.

В. Е. Быкасов НИЖНЕ-КАМЧАТСКИЙ ОСТРОГ

В своё время мне уже довелось высказаться по поводу появления на Камчатке первых русских поселений (2). И уже тогда отметить неоднозначность в определении времени и мест их первоначального заложения, обусловленную недостатком, а, нередко, и отсутствием в исторических документах точных временных и пространственных реперов.

Что же касается собственно Нижне-Камчатска, то сам В. Атласов, отряду которого обычно приписывается строительство первого зимовья в нижней части долины р. Камчатки, в своих двух «Скасках» об этом не обмолвился ни единым словом. А потому исследователи и краеведы, говоря о месте и времени основания Нижне-Камчатского острога, отталкиваются при этом от данных С. П. Крашенинникова. Который, пусть бы и не совсем явным образом, показал, что за общим названием Нижне-Камчатский острог (зимовье) скрывается несколько поселений. Другое дело, что исходя из его данных, определить местоположения всех этих поселений довольно трудно.

В попытке разобраться во всей этой ситуации и предпринимается данное исследование. Которое, как представляется, следует начать с установления времени и места выхода отряда В. Атласова к р. Камчатке. Ибо именно с этого момента начинается история освоения её долины русскими. А, следовательно, и история Нижне-Камчатска.

На мой взгляд, скорее всего, атласовцы спустились в долину р. Камчатки тогда, когда там уже распустилась листва – то есть в конце мая или в начале июня (3). Этого же мнения придерживаются и некоторые (4, с. 23) камчатские краеведы.

Примерно об этом же времени говорит и Г. А. Леонтьева, когда утверждает, что «Осенью 1697 г. Атласов вернулся на приток реки Камчатки – речку Еловку в построенное ещё весной того же года зимовье» (17, с. 90). Из чего следует, что атласовцы спустились в долину р. Еловки, поставили там два зимовья (там же, с. 79) и только затем сплавились к р. Камчатке.

Однако это суждение Г. А. Леонтьевой противоречит другому её представлению о месте выхода отряда В. Атласова к р. Камчатке: «В то время местные жители чаще всего с Тигиля на реку Камчатку переходили по её левому притоку – речке Еловке, верховья которой близко подходили к верховью Тигиля. Часть пути по Тигилю отряд преодолел на оленних упряжках. **У верховьев Тигиля** (здесь и далее выделено мною. – В. Б.), ввиду наступившей весны, Атласов оставил несколько юкагиров с оленями и нартами и пешим пошёл на Еловку. Путь был тяжёлым. Продовольствие, оружие и прочую кладь люди несли на себе» (Там же, с. 76).

То, что пеший поход был тяжёлым, сомнений не вызывает. Проблема тут заключается в том, через какие конкретно места шли нагруженные до предела казаки. Ибо из приведённого высказывания, а также из анализа «Карты маршрутов В. В. Атласова», составленной самой Г. А. Леонтьевой (там же, с. 189), следует, что казаки от истоков Большого Тигиля напрямую вышли к истокам р. Белой и оттуда – к устью р. Еловки.

Однако на этом предполагаемом пути стоит огромный по высоте (2 598 м – Алней, 2 526 м – Чашаконджа) и протяжённости вулканический массив Алней-Чашаконджа, крутые западные склоны которого на полтора километра возвышаются над пологим лавовым плато. А ещё более крутые восточные склоны высоким (до 500 м) уступом обрываются к двум громадным (до 6 км в поперечнике) кратерам, днища которых заняты большими ледниками, дающим начало р. Белой и Киревне. К тому же, на якобы прямом пути от нижней части долины р. Белой к устью р. Еловки располагается практически непроходимая сеть болот, озёр и проток приустьевой части долины р. Еловки.

То есть, говоря иначе, пойти этим путём казаки никак не могли. Тем более, что нанятые В. Атласовым «вожи» прекрасно знали всю эту местность и пути продвижения по ней. Да и сами казаки, ещё до подхода к истокам Большого Тигиля, могли бы прекрасно разглядеть, что единственно возможный путь в долину р. Камчатки пролегает через пологий и низкий (около 1 000 м над у. м.) перевал, расположенный к юго-юго-западу от влк. Чашаконджа.

Впрочем, и в случае движения к этому перевалу долиной р. Малый Тигиль (левый приток Большого Тигиля) отряд вышел бы к истокам нынешней р. Половинной, по долине которой спуститься можно только к Камчатке, а не к Еловке. А это совершенно не соответствует представлению Г. А. Леонтьевой о том, что отряд В. Атласова, сойдя со склонов Срединного хребта к р. Еловке, посетил на своём пути к р. Камчатке четыре ительменских острожка: Горбунов и Горелый (Дачхон), располагавшиеся в 40 верстах выше устья р. Еловки; Коанным, стоявший в 20 верстах выше устья Еловки, а также острожек Пингаушч, стоявший в 26 верстах ниже устья этой реки. Ибо для того,

чтобы попасть в указанные острожки, отряду надо было бы двигаться не по Большому Тигилю, а по основной тропе и нартовой дороге местных жителей, которая пролегла от низовьев Тигиля к р. Седанке (правый приток Тигиля), по ней выходила к невысокому (около 1 000 м) пер. Срединного хребта, расположенному в 70 км к северу от верховий Большого Тигиля, и только затем спускалась к р.левой (правый приток р. Еловки).

Ну и, наконец, сам В. Атласов сообщал, что с «Кыгыла-реки его отряд, пойдя подле моря, дошёл на Камчатку реку, где казаки наехали на 4 острога. А затем, собрав с жителей этих четырёх острогов ясак, сел в струги и три дня плыл по реке Камчатке на низ» (25, с. 72–73). Однако он при этом ничего не сказал о строительстве зимовий. И, следовательно, мнение Г. А. Леонтьевой о том, что «Будучи человеком осторожным, Владимир Владимирович перед тем, как отправиться в военный поход, поставил зимовье из двух изб и послал с Еловки на разведку “казака по Камчатке реке к морю...”» (17, с. 79), действительно вызывает сомнение. И сомнение тем более понятное, что В. Атласов в своих «Скасках» ни разу не упоминал имя Еловка или Коочь, хотя он приводит названия всех крупных рек, встреченных его отрядом на полуострове. Всё же это вместе исключает саму возможность постройки зимовья на Еловке В. Атласовым.

Правда, зимовье на Еловке могло быть построено Лукой Морозко, который, по мнению А. С. Зуева (7, с. 46), был послан туда и оставлен там В. Атласовым. И откуда, якобы, он ходил за ясаком на р. Тигиль, за что и поплатился головой, будучи убит с товарищами в тигильском острожке Кохча. Однако, согласитесь, и тут есть над чем задуматься. Например, над тем, где – на реке ли Камчатке возле устья р. Еловки, в специально отстроенном для этого зимовье, или в двух зимовьях, расположенных на самой Еловке, в 50 верстах от её устья (12, с. 740), могли расположиться казаки Морозко? Над тем, например, когда – то есть до похода на р. Большая и Голыгина или после – остался в них Лука Морозко с товарищи, если вообще оставался? А главное, над тем, кто и когда поставил эти два зимовья в средней части долины р. Еловки, ибо возможно и другое объяснение их появления в этой части р. Еловки?

Впрочем, предположение об иной причине появления в средней части долины р. Еловки двух зимовий – это тема отдельного разговора. А пока скажу, что изложенные выше и, казалось бы, очевидные накладки в представлениях Г. А. Леонтьевой о продвижении отряда В. Атласова в долину р. Камчатки, были некритически восприняты историками и краеведами. В частности, даже такой вдумчивый и дотошный исследователь, как А. С. Зуев, говоря об этих событиях, практически слово в слово повторил версию Г. А. Леонтьевой о переходе отряда В. Атласова через Срединный хребет.

«С верховьев р. Тигиль отряд перешёл р. Еловку, левый приток Камчатки. В районе впадения Еловки в Камчатку Атласов обнаружил первые ительменские поселения – четыре острожка, возле которых насчитал около 400 юрт. По предположению Г. А. Леонтьевой, это были острожки Дачхон (на западном берегу Еловки), Горбунов (вблизи устья ручья Кыгыча), Коанным (неподалёку от устья Еловки), Пингаушч (на Камчатке)», – пишет он по этому поводу (7, с. 232).

Однако и он, как и Г. А. Леонтьева, и многие другие исследователи и краеведы, не обратил внимания на то, что помимо острожков Коанным, Горбунов и Горелый на р. Еловке, в 7 и 10 вёрстах выше Горбунова стояли ещё два – Колилюнч и Ухарин, соответственно, – острожка аборигенов (14, с. 22–23). А ведь наличие на р. Еловке как минимум 5 самостоятельных острожков начисто исключает острожек Пингаушч из списка самых первых 4 ительменских поселений, встреченных казаками в долине р. Камчатки.

То есть, как можно видеть, кажущаяся прямизна пути от истоков Большого Тигиля к истоку р. Белой действует на некоторых исследователей и краеведов настолько завораживающе, что никакие доводы (см. выше) против этой версии маршрута ими не воспринимались. Так что я попробую привести ещё один довод, опираясь при этом на мнение Ньютона о том, что пример в науке зачастую оказывается полезнее правил и основанных на них доказательств.

Итак, допустим, что три века тому назад в районе устья р. Авачи оказались землепроходцы, целью которых было посещение верхней части долины р. Налычевой, где, по сведениям местных жителей, в изобилии водится соболь. И вспомним, что существуют три основных варианта следования к этой долине. Вверх по р. Аваче до р. Пиначевой и по ней к Пиначевскому перевалу, от которого до горячих источников рукой, что называется, подать. Напрямую – через Авачинский перевал, высотой около 1 200 м, к истокам р. Шумной и от неё – к знаменитой Медвежьей тундре и к горячим источникам. А также выход к р. Халактырке и от неё – берегом океана до устья р. Налычевой и далее – всё к той же Медвежьей тундре.

Ну а теперь представьте, что землепроходцы, до предела нагруженные продовольствием и

всяческим походным снаряжением, прошли к г. Монастырь, от неё поднялись на вершину Авачинского вулкана (2 741 м) и лишь затем спустились в бассейн р. Налычевой. Такого не может быть?

Но ведь Г. А. Леонтьева и иже с ней утверждают, что отряд В. Атласова от истоков р. Большой Тигиль, берущей начало на западном склоне влк Чашаконджа, напрямую перешёл к истокам р. Белой, расположенным на его восточном склоне. Хотя и высота (2 526 м) самого вулкана, и высота расположенного рядом с ним перевала (1 000 м) всего лишь на 200 м меньше высот Авачинского вулкана и Авачинского перевала. И хотя казаки и промышленные люди вообще не любили ходить по горам.

Кстати, настолько землепроходцы не любили ходить по горам, можно судить по примеру Петра Козыревского (отца знаменитого И. П. Козыревского), который в 1703 г. хотел было подняться на Ключевскую сопку (19, с. 121), однако сопровождать его отказались не только коренные жители Нижне-Камчатка, но и казаки. Что же касается исключительности в этом смысле самого П. Козыревского, то надо помнить, что этот сын ссыльного польского шляхтича Фёдора Козыревского, будучи воспитанным в грамотной среде, был более любознательным человеком, чем обычные казаки.

Впрочем, это всего лишь отступление от темы, хотя и полезное. А потому я вновь обращусь к С. П. Крашенинникову, суждение которого по поводу образования острога в нижнем течении р. Камчатки оказалось, как уже говорилось, решающее влияние на представления всех последующих исследователей.

«В бытность свою перенёс он (Тимофей Кобелев. – В. Б.) жильё верхнего Камчатского острога на реку Кали-кыг, которая от прежнего острожного места в полуверсте, да вновь построил зимовье на реке Еловке...», – пишет учёный по этому поводу (15, с. 195). Из чего, вроде бы, следует, что до появления Т. Кобелева – первого официального приказчика Камчатки, на полуострове зимовье на р. Еловке уже стояло. Но именно – вроде бы, так как в те времена слово «**ВНОВЬ**» означало сделать что-то впервые, а не повторить ещё раз что-то, уже сделанное ранее.

И в самом деле, сын боярский Пётр Бекетов, например, пишет: «...и твой, государев, есак з братских князцев и улусных людей взял вновь...» (28, с. 93). И добавляет: «А преж, государь, меня в тех местех никакой русской человек не бывал» (там же, с. 94).

Почти так же излагает суть дела и казачий десятник Енисейского острога Елисей Буза: «...и твоим, государевым, счастием на Яне реке с якуцких людей взял твоего, государева, ясаку вновь...» (29, с. 97).

Да и В. Атласов, говоря о встрече с жителями первых четырёх ительменских острогов, сказал почти то же самое: «...и ясак с них **ВНОВЬ** имал...» (25, с. 72). А поскольку до него никто на р. Камчатке этого не делал, то слово «**ВНОВЬ**» и в самом деле следует понимать не в качестве синонима наречия «снова» («ещё раз»), как принято в наше время, а как синоним слов «внове», «впервые».

Так что С. П. Крашенинников, сказав «**ВНОВЬ**», явно при этом подразумевал, что впервые зимовье в районе р. Еловки было построено по приказу Тимофея Кобелева. Другое дело, что он, к сожалению, при этом так и не сказал где – возле устья или выше, – стояло это первое зимовье. А ведь именно эти два обстоятельства (неверно воспринятое слово «вновь» и отсутствие точной привязки) и привели к тому, что последующие исследователи место заложения Нижне-Камчатка определяли по-разному, а время его образования привязывали к периоду от 1697 до 1713 г. включительно. Приходя, порой, при этом к совершенно невероятным выводам.

Например, в своей книге «Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки» известный отечественный историк А. И. Алексеев написал, что «Нижне-Камчатский острог (теперь Усть-Камчатск) был основан В. Атласовым в 1703 г.» (1, с. 36). И тем самым совершил сразу две крупные ошибки, так как В. Атласов в этом году ещё находился под следствием в Якутске, и так как Нижне-Камчатск и Усть-Камчатск были совершенно самостоятельными поселениями, да к тому же ещё и возникшими с разницей почти в 150 лет.

Эту же ошибку с отождествлением Нижне-Камчатка с Усть-Камчатском повторил и А. А. Сопочко, который в своей монографии «История плавания В. Беринга на боте “Св. Гавриил” в Северный Ледовитый океан» (26, с. 57) написал: «На **правом** берегу р. Камчатка, в том месте, где она перед впадением в море делает крутую излучину, расположено с. Усть-Камчатск, в прошлом – Нижний Камчатский острог – база Первой Камчатской экспедиции». И в качестве иллюстрации приводит рисунок Нижнего Камчатского острога, позаимствованного им из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинников (Там же, с. 59).

Однако он при этом не обратил внимания на то, что на этом рисунке острог стоит на левом, а не на правом берегу р. Камчатки. А также на то, что Усть-Камчатск был образован незадолго до

1848 г. и первоначально назывался Усть-Приморском (16, с. 88). Но самое главное, исследователь при этом совершенно проигнорировал тот факт, что основной базой Первой Камчатской экспедиции был Нижний Камчатский острог, который стоял в 7 верстах выше сел. Ключи (5, с. 88). И потому острог, построенный в 1736–1737 гг. на р. Радуге, к Первой Камчатской экспедиции никакого отношения не имел – его на тот момент просто не было.

В некоторой степени эту абсурдную ситуацию с Нижне-Камчатском подправил камчатский историк В. Д. Сергеев, согласно которому Верхне-Камчатский и Нижне-Камчатский остроги были построены на месте казачьих зимовий в 1704–1706 гг. (24, с. 41). Но именно в некоторой степени, ибо и он не обговорил мест расположения первоначального зимовья и собственно Нижне-Камчатска.

Впрочем, и другие историки с проблемой привязки места расположения первоначального зимовья также оказались не совсем точны. Так, например, Б. П. Полевой, приписывая создание острога первому камчатскому приказчику Тимофею Кобелеву в 1703 г. (20, с. 124), «разместил» этот острог в месте слияния Еловки и Камчатки, а не ниже по течению, как об этом можно судить по «Карте реки Камчатки» С. П. Крашенинникова.

Об этом же (слияние двух рек) месте говорят и авторы-составители историко-географического атласа Камчатки, согласно которым Нижне-Камчатское зимовье было построено в 1700–1703 гг. первым приказчиком Камчатки Тимофеем Кобелевым (9, с. 72), упустив при этом из виду тот факт, что Т. Кобелев прибыл на полуостров в 1702 г., а потому 1700 и 1701 гг. к дате образования Нижне-Камчатского зимовья никакого отношения не имеют.

Не обратил внимания на это обстоятельство и Ф. Г. Сафронов, который написал, что Нижне-Камчатский острог вырос из маленького зимовья, поставленного в 1700–1701 г. первым приказчиком полуострова Тимофеем Колесовым (23, с. 192).

Впрочем, и 1702–1703 гг. как время постройки первого зимовья в районе Еловки также вызывают сомнения. Ибо прибыв на Камчатку в 1702 г., Т. Кобелев в этом же году перенёс зимовье П. Серюкова на полверсты, к устью р. Кали-кыг (14, с. 195). Так что ставить зимовье на р. Еловке в этом же году он просто не мог. Ну а так как, по некоторым данным, он и в 1703 г. поставил самое первое зимовье на р. Большой, то строить зимовье на Еловке в 1703 г. он также не мог.

Таким образом, зимовье в районе устья р. Еловки могло быть поставлено только зимой 1704 г. Что, собственно, и утверждает С. П. Крашенинников, когда говорит, что Т. Кобелев, уходя с Камчатки в начале 1704 г., оставил в устье р. Еловки несколько человек «вольницы» (добровольцев) и «велел им зимовья построить и собирать с шанталских иноземцев которые в то время ещё неплатёжные были» (12, с. 750).

Однако ительмены отказались платить ясак. А потому сменивший Т. Кобелева М. Многогрешный послал весной в низовья Камчатки Андрея Кутьина, отряд которого он увёл с собой с р. Уки. Но поход А. Кутьина не увенчался успехом. А потому летом 1704 г. уже сам М. Многогрешный отправился на покорение ительменов. После чего он и распорядился перенести зимовье, поставленное «вольницей» Т. Кобелева зимой на заливаемом половодьем месте, на пять вёрст ниже по течению р. Камчатки. Но не к «ключам», как считают современные, тот же, например, А. С. Зуев (7, с. 237), исследователи, а в устье р. Уачхачь.

Впрочем, ошибку эту понять можно, так как в этом своём утверждении историки и краеведы опираются на мнение С. П. Крашенинникова о том, что в 1704 г. Михайло Зиновьев (Многогрешный) «...Нижняя Камчатское зимовье за неспособностью места перенёс на ключи...» (15, с. 196). Однако С. П. Крашенинников, упомянув о «ключах», либо оговорился, либо ошибся, поскольку чуть ниже он обо всём этом написал, что Нижне-Камчатский острог (острог, подчеркну, а не зимовье) был перенесён «на ключи» дворянином Иваном Енисейским в 1713 г., который «... в бытность свою, кроме правления всяких дел и ясачного збору, заложил на ключах церковь с тем намерением, чтобы со временем Нижнему Камчатскому острогу быть на оном месте, что и впоследствии: ибо казаки не в долгом времени переселились на новое, а прежнее место неспособно к строению потому, что около оно болото, и что оно водою понимается. И стоял нижней Камчатский острог на том месте до главного в 1731 г. учинившегося Камчатского бунта; а во время бунта сожжён купно с церковью и со всеми строениями» (Там же, с. 215).

Но где, в таком случае, стоял тот самый Нижне-Камчатский острог, который был перенесён на «ключи»? Ответ на этот вопрос дал сам С. П. Крашенинников, когда написал, что «От устья р. Еловки следуя вверх по р. Камчатке можно почесть за первое знатное урочище Тоткапенем протоку; для того что над нею построен был первой Нижней Камчатский острог; а расстоянием сие урочище от Еловки реки в трёх верстах. Близ того урочища пала в помянутую протоку и небольшая речка, которая Резень называется» (14, с. 17).

И в самом деле, судя по этому описанию и по «Карте реки Камчатки», составленной самим С. П. Крашенинниковым, устье р. Резень (предположительно – нынешний руч. Ключевской) располагалось в самом начале протоки Тоткапенем, в 3, примерно, верстах выше устья Еловки. Тогда как её «нижнее устье» располагается в тех же, примерно, 3 верстах, но уже ниже устья р. Еловки. А поскольку сама протока Тоткапенем нарисована на этой же карте впадающей в протоку Оочануеен, причём напротив её устья, располагается надпись: «Ниж. Уст. прот. Оочануеен, над которым стоит Ниж. Камчатской острог», то, получается, что Нижне-Камчатское зимовье стояло не на протоке Тоткапенем, а чуть ниже – возле устья протоки Оочануеен.

Более того, протока Оочануеен впадала в протоку Чинеечшч, в которую, в свою очередь, впадала р. Чачухачь, ниже устья которой размещена следующая надпись: «Разоренной ниж. Камчатской острог». Исходя из чего, можно достаточно уверенно говорить о том, что р. Чачухачь и р. Уачхачь – это одна и та же река, название которой всего лишь по-разному было воспринято С. П. Крашенинниковым на слух. И что выше и ниже устья р. Уачхачь стояли два русских поселения с одним и тем же именем.

Так что С. П. Крашенинников действительно ошибся, когда приписал перенос на «ключи» зимовья, поставленного «вольницей» неподалёку от устья р. Еловки, на «ключи» М. Многогрешному. Ибо этот последний всего лишь перенёс часть первоначального зимовья на несколько километров ниже по течению р. Камчатки, к устью р. Уачхачь.

Но в таком случае возникает естественный вопрос: а какая из современных речек (ручьи), впадающих в Камчатку с правой стороны, может претендовать на роль той самой р. Уачхачь?

Вот что говорит по этому поводу сам С. П. Крашенинников: «Не доезжая до реки Еловки есть три знатные речки. А имянно Уачхачь, Ключовка и Бюокось, которые пали в Камчатку с правой стороны по течению; первая верстах в 8 ниже Еловки, другая верстах в 4 ниже первой, а третья от другой в версте. Первая достойна примечания потому, что близ устья её был Российской острог, которой в 1731 году разорён Камчадалами; другая что около тех мест бывала пустыня Якуцкого Спасского монастыря, в которой кроме другого строения была и часовня, но всё оно разорено в одно время с острогом, а ныне там одно только зимовье с кладовым амбаром» (14, с. 15–16). Из чего вытекает, что р. Уачхачь в наибольшей степени соответствует современный руч. Приозёрный, так как разорённый острог отстоял от устья Еловки на 8 вёрст. И что именно этот разорённый острог был образован в 1704 г. за счёт перенесения части первоначального зимовья на это место, а затем, в 1705 г., был огорожен Василием Колесовым козельчатой оградой и назван острогом.

О том, что всё происходило именно таким образом, свидетельствуют и данные текстов «Чертежа Камчадальского Носу и морским островам» И. П. Козыревского: «По нижнему течению реки Камчатки, ниже устья Еловки, по левому берегу р. Камчатки: Нижней Камчадальской острог. По правому берегу. Ниже по течению: Церковь. Ещё ниже: Часовня и келья, моё строение сначала» (10, с. 48).

Правда, в этом сборнике документов место расположения острога привязывается к левому берегу р. Камчатки. Однако эта ошибка принадлежит не самому И. Козыревскому, а интерпретаторам его текстов, поскольку в другом варианте интерпретации текстов об этом же написано несколько иначе: «По нижнему течению реки Камчатки. Ниже устья реки Еловки, по правому берегу реки Камчатки: “Нижней Камчадальской острог”».

Ниже по течению, по той же стороне: «церковь». Ещё ниже: «часовня и келья, моё строение с началу»...» (11, с. 261).

И поскольку на самом «Чертеже Камчадальскому носу и морским островам И. П. Козыревского, 1726 г.» (9, с. 22) все эти строения нарисованы на правом берегу р. Камчатки. Да и вообще на левом берегу Камчатки никаких строений быть не могло, так как левобережье р. Камчатки в этом месте представляет собой либо крутой склон влк Заречного, спускающийся к самой воде, либо сплошное болото, вода в котором во время летнего половодья понимается поверх выгнувшейся в полный рост травы. Так что возводить там что-либо казаки не могли бы даже при самом большом желании. Ибо даже стоявшие на правом, более высоком берегу Камчатки русские строения каждый год заливались в очередное половодье, отчего они и переносились раз за разом ниже по течению реки. Как, кстати, не стали бы казаки ставить по этой же причине (низкий болотистый берег) и памятный крест в устье р. Белой.

А, кстати, потому, что историки и краеведы мало обращали, если вообще обращали, внимание на ландшафтную обстановку описываемых ими событий. В частности на то, что ведущей причиной высокого половодья в районе слияния рр. Камчатки и Еловки является не столько даже паводок сам по себе, сколько узость русла р. Камчатки в месте современного пос. Ключи.

И в самом деле, дошедшие до подножия влк Заречного древние лавовые потоки влк. Ключевского, образуют в этом месте естественную плотину. Вследствие чего выше по течению возникла так называемая субэральная дельта, которая в период летнего половодья превращается во временное водохранилище с подъёмом воды до 4 и более метров над меженным уровнем. Причём из-за узости русла высокий уровень воды здесь удерживается с начала июня до конца июля. Таковая же, кстати, дельта образуется и выше так называемых «Щёк». Вследствие чего, добавлю, сток р. Камчатки ниже Щёк и приобретает свой зарегулированный характер.

То есть, как можно видеть, особенности строения гидрографической сети описываемого района препятствовали возведению жилых строений на левом берегу Камчатки. Однако если казаки из числа «вольницы» Т. Кобелева об этой природной особенности, ставя зимой своё жилище поближе к реке, могли и не знать, то современных исследователей таковое вот игнорирование ландшафтной обстановки приводило к неверным заключениям. Как это, например, произошло с А. С. Зуевым, написавшим, что «Нижне-Камчатский острог располагался на **левом** берегу р. Камчатки близ устья р. Учхачь, примерно в 8 км ниже устья р. Еловки и недалеко от местечка Ключи. В остроге находилась приказная изба с “аманацкой казённой” для содержания аманатов, несколько амбаров» (8, с. 132). Правда, можно допустить, что в этом случае он всего лишь допустил досадную опisku. Но как тогда быть с тем, что он при этом не обратил внимания и на то, что р. Учхачь впадает в р. Камчатку справа?

Итак, в 1704 г. ниже места слияния рр. Еловки и Камчатки возникло новое зимовье, которое С. П. Крашенинников на своей «Карте реки Камчатки» разместил на правом берегу р. Камчатки в 3, примерно, верстах ниже устья р. Еловки. В этом же 1704 г. это зимовье, по его же данным, частично было перенесено на устье р. Учхачь, расположенное в 8 верстах от Еловки. А в 1713 г. часть этого острога вновь была перемещена вниз – к р. Ключовке. Так что нам остаётся лишь определиться с этой рекой.

И в этом нам снова поможет С. П. Крашенинников, который пишет (см. выше), что р. Биокось (современная сухая р. Крутенькая, впадающая в Камчатку ниже с. Ключи) от р. Ключовки, впадающей в Камчатку с этой же, правой, стороны, отстоит всего на одну версту. Однако поскольку таковой ближайшей рекой является небольшой ручей, впадающий в Камчатку справа выше Ключей, то расстояние между устьями этих водотоков составляет более 6 км. Да и сам С. П. Крашенинников, проплывая в сентябре 1739 г. к новому Нижне-Камчатску, в своём дорожном журнале отметил, что от «Старого Нижнего Камчатского острога» (то есть от острога «на ключах») до р. Курарачи расстояние 6 с четвертью вёрст (13, с. 208). При том под р. Курарача он явно понимал современную протоку, соединяющую оз. Куражечное с р. Камчаткой, так как в устье этой протоки он, миновав Ключи, остановился на ночлег. А это устье располагается как раз напротив устья р. Крутенькой (Биокось).

Таким образом, самое первое русское поселение в районе современных Ключей появилось в 1704 г., когда «вольница» Т. Кобелева поставила зимовье на правом берегу р. Камчатки в 3, примерно, верстах ниже устья р. Еловки. В этом же году летом М. Многогрешный перенёс часть первоначального зимовья к устью р. Учхачь. А в 1705 г. это новое поселение было окружено казачьим пятидесятиником В. Колесовым оградой «мерою кругом 30 сажень» и стало именоваться Нижне-Камчатским острогом (22). Вместе с тем, часть жителей первоначального зимовья осталась на прежнем месте, не пожелав, в силу разных причин (дороговизна, например, и трудность постройки новых домов), покидать обжитое место.

Однако поскольку и этот новый острог каждое лето заливало половодье, то приехавший на Камчатку в августе в 1713 г. Иван Енисейский, предпринял очередную попытку перенести огороженный В. Колесовым острог «на ключи». Кстати, при оценке этого события известный камчатский краевед В. П. Мартыненко допустил хронологическую ошибку, написав, что «Нижнекамчатский острог, о котором идёт речь, был построен в 1712 г. по распоряжению приказчика Ивана Енисейского...» (18, с. 11). И хотя в этом случае, скорее всего, произошла описка или опечатка, однако отметить этот курьёз всё же стоит.

Впрочем, и этот перенос, как и предыдущий, был осуществлён лишь частично, поскольку значительно большая часть населения прежнего острога осталась жить на прежнем месте. Вот отчего ко времени появления в этих местах участников Первой Камчатской экспедиции, одновременно с Нижне-Камчатском, построенным И. Енисейским в районе нынешних Ключей, выше по течению располагались ещё две группы строений, сохранявших своё – Нижне-Камчатский острог – первоначальное имя.

И в самом деле, В. Беринг в одном из своих рапортов пишет, что около Нижне-Камчатского

острога, располагавшегося в 6 верстах ниже устья р. Еловки, находилось «дворов з 50, да в другом месте, где церковь, дворов с 15, да на устье р. Еловка 20 обывательских дворов» (30, с. 63). А затем добавляет: «А для оставшихся от нас вещей построили мы анбар при ключах, где церковь, разстоянием от Нижнего Камчадальского острогу вёрст с 6, понеже казённых анбаров не имелось, а при том остроге построить не смел, для того что во вся годы топит водою и стоит воды июня с первых чисел и до половины июля месяца» (21, с. 68). И уточняет, что на правом берегу р. Камчатки, при устье р. Ключовки, стояла церковь, а ещё ниже располагалась Успенская пустынь, при которой было три избы, пять амбаров и баня (там же).

Вторит ему и мичман Пётр Чаплин, который в своём журнале написал, что 11 марта 1728 г. В. Беринг и он прибыли в «Нижней Камчадальской острог, который стоял по правую сторону р. Камчатки, и в котором имелось около 40 жилых дворов, а уже 12 марта они поехали на Ключи, где располагалась церковь и с 15 жилых дворов» (5, с. 82).

Кстати, в первом своём обращении к данной проблеме я высказал было предположение о возведении участниками экспедиции В. Беринга нескольких строений в районе р. Учхачь, совокупность которых в просторечии также, якобы, именовалась Нижне-Камчатским острогом (2, с. 29). То есть тогда я, придерживаясь общепринятого мнения об одном Нижне-Камчатске, ещё не представлял себе полной картины с размещением и перемещением острогов, хотя уже и догадывался, что до появления на Камчатке участников Первой Камчатской экспедиции в районе Ключей стояло несколько русских поселений. А потому и подумал, что для того, чтобы провести вторую зимовку более комфортно, строителями бота было построено ещё одно поселение.

На самом же деле В. Беринг и состоявшие при нём мичман П. Чаплин и лейтенант А. Чириков остановились в остроге, стоявшем на р. Учхачь, тогда как М. Шпанберг квартировал в Ключах. Поскольку П. Чаплин об этом пишет, что «12 марта. Ездили на Ключи, где имеетца церковь, жилья дворов с 15. И тут имел господин лейтенант Шпанберх квартиру и имел болезнь. Румб от острогу до Ключей ZOтO – 7 вёрст» (5, с. 82). А прибывший туда в конце весны лейтенант А. Чириков пишет: «30 мая. Прибыл к Нижнему Камчацкому острогу во 2-м часу и оттуда сплыл к Ключам, которыя от острога отстоят на 7 вёрст. При Ключах селения церковь Божия во имя Святителя Николая и дваров всякого чину людей з двадцать, а по времени из Нижнего острога, при катором содержится жилья русских людей с 60 дворов, все к Ключам переселятся, понеже сие место к селению удобно, а под острогом ниская места и повся годы во время разливания реки Камчатки всё жильё понимает и стоит вода недели по 2 и по три, а в оное время жители меж собою, или куды нужда позавёт, ездят на лотках» (6, с. 265).

Кстати, во всех этих свидетельствах следует обратить внимание на разницу в количестве строений в каждом из названных описаний, поскольку именно таковые разночтения, как, впрочем, и расхождения в определении расстояний мест первоначальных русских поселений от устья р. Еловки, приводили и приводят исследователей и краеведов к не совсем верным заключениям.

Понятно, конечно же, что в свете изложенных выше соображений, моё представление о возведении новых жилых построек в районе р. Учхачь не соответствует действительности. Но согласитесь, для того, чтобы разобраться в сплетении множества мнений и суждений по поводу места и времени образования Нижне-Камчатска, нужно было отрешиться от представления об одном, якобы, Нижне-Камчатском остроге. А для этого необходимо было читать, думать, писать и... И совершать ошибки.

Ну а для того, чтобы удостовериться в этой своей ошибке, мне пришлось дожидаться появления в открытой печати документа, озаглавленного «ВЕДОМОСТЬ, сочинённая по силе присланной промемории из Якуцка Академии наук от господина профессора Фридриха Миллера, полученной в Большерецку октября 22 дня 1737 году (получено Г. Ф. Миллером 7 октября 1739 г.). В котором обо всей этой ситуации с острогами говорится следующее:

«А Нижней Камчадальской острог до разорения был полисад стоячий, да одна башня, а в нём казённого строения приказная изба, два анбара, да за острогом государев двор, при нём анбар, да другой анбар на отставке.

Да у оного же острогу было церковного строения вначале церковь во имя Николая Чудотворца, при церкви колокольня, два анбара.

Да пониже острогу на Ключах было расстоянием от острогу две версты пятисотных монастырского строения часовня всемилостиваго Спаса, две избы хлебные, изба чёрна, пять амбаров, баня. Да по скаске вкладчика Ивана Качивона погромлено монастырской казны двести пядьдесят лишиц красных, сем сороков соболей, одиннадцать бобров. А оное монастырское строение было вниз едучи по правой стороне Камчатки реки.

Обывательских домов было около острогу сорок шесть дворов.

А повыше острогу на усть Еловки расстоянием от острогу семь вёрст обывательских же дватцать дворов» (8, с. 189).

Из которого со всей определённостью вытекает, что выше острога, стоящего на р. Учхачь, располагались 20 строений, а ниже – церковь, построенная И. Енисейским, и часовня, поставленная И. Козыревским, с окружающими их жилыми и хозяйственными постройками.

Таким образом, подводя окончательный итог, ещё раз отмечу, что основанное в 1704 г. зимовье стояло, примерно, в 3 верстах ниже устья р. Еловка. Тогда как, судя по данным В. Беринга, П. Чаплина и А. Чирикова, острог, перенесённый в этом же 1704 г. на новое место, располагался в 7 верстах выше Ключей и церкви, стоявших в те времена около устья р. Ключовка. Из чего, с учётом поправки на не совсем точные сведения о расстояниях, получается, что первоначальный Нижне-Камчатский острог (острог, а не зимовье) стоял около устья современного руч. Приозёрный. И что под р. Ключовка нужно понимать небольшой ручей, который впадает в Камчатку в одном, примерно, километре выше нынешней метеостанции, стоящей на окраине современных Ключей.

Что же касается привязки всех этих поселений к устьям ручьёв, то это объясняется тем, что в летнее время вода в самой Камчатке довольно мутная, тогда в данных ручьях, подпитываемых подземными водами, половодье проходит очень быстро, а потому вода в них почти всегда чистая.

И всё же высказанные мною представления о местах расположения всех охарактеризованных поселений имеют предположительный характер. И это во многом объясняется тем, что современную гидрографическую сеть характеризующей местности не так-то просто увязать с историческими данными. Как потому, что сами эти данные не очень точны, а, порой, и попросту противоречивы, так и потому, что за триста лет эта самая гидрография наверняка, и, не исключено – существенно, поменялась. Например, в самом начале 70-х гг. прошлого века устье р. Белой, к которому обычно привязывают место установления памятного креста В. Атласова, переместилось на четыре километра ниже по течению. И я абсолютно уверен в том, что если бы эта перемена русла произошла в 1950–1955 гг., то в 1959 г. памятный крест был бы восстановлен возле нового устья р. Белой, а не возле старого её устья, где новая его копия стоит и поныне.

Итак, изложенные выше соображения позволяют утверждать, что в первой трети XVIII в., на участке между устьем Еловки и нынешними Ключами поочерёдно возникали и затем одновременно стояли три русских поселения, которые в обыденном смысле воспринимались за единое целое. И что только этим можно объяснить отсутствие должной однозначности в определении места нахождения собственно Нижне-Камчатского острога.

Впрочем, и в дальнейшей истории острога, который в результате восстания ительменов под руководством Фёдора Харчина в 1731 г. был полностью разрушен и сожжён, а затем, под старым именем, восстановлен на совершенно ином месте, таковой однозначности также не отмечается.

И в самом деле, Г. Стеллер, например, по этому поводу пишет: «Первый, старейший, значительнейший и лучший острог расположен на реке Камчатке и называется Нижним острогом, так как он построен в нижнем течении реки недалеко от её устья... Нынешний острог был заложен лишь в 1732 г., после того как первый острог был во время большого бунта 1731 г. взят, разгромлен, разрушен и совершенно сожжён ительменами. Он находится на расстоянии двух вёрст ниже первоначального по реке на гораздо более удобном, чем прежде, месте» (27, с. 123). То есть, судя по этому описанию, в 1732 г. около оз. Ажабачьего был поставлен острог, который, однако, затем был перенесён на две версты ниже, на противоположный берег к устью р. Радуги. Интересно, кстати, что в наше время, примерно в этом же месте, располагаются остатки брошенного посёлка под именем Радуга.

В некоторой степени с этим мнением солидаризируется и В. П. Кусков, согласно которому сразу же после разорения острог, находившийся на месте нынешнего с. Ключи, был восстановлен в 90 км ниже по течению р. Камчатки неподалёку от оз. Шантал (Ажабачье), от которого он и получил своё новое – Нижне-Шантальский острог – название (16, с. 64). Однако название это не прижилось, и уже в 1732 г. новый острог стал именоваться Нижним Камчадальским острогом (там же, с. 63–64).

Примерно такой же точки зрения придерживается и другой известный камчатский краевед В. П. Мартыненко, согласно которому «Нижнекамчатский острог, после разгрома в 1731 г. был перенесён ниже, к устью реки Камчатки», а возник он в 1732–1733 гг. выше устья р. Камчатки, неподалёку от того места, где позднее выросло село Нижнекамчатск (18, с. 11).

Что же касается самого этого села, то С. П. Крашенинников о нём пишет так: «В бытность свою построили они (майор якутского полка Василий Мерлин и капитан Дмитрий Павлущий. –

В. Б.) нижней Камчатский острог немного ниже устья Радуги речки» (15, с. 233). О которой он в самом начале своей книги сказал: «Первою рекою, следуя от устья вверх по Камчатке реке, может почестся Радуга, по Камчатски Орать, не токмо для своей величины, но наипаче потому, что при ней после бывшей в 1731 г. измены и после разорения прежнего Российского нижнего Камчатского острога построен новый острог Нижнешантальским называемый. Просто называют его также как и разоренной нижним Камчатским острогом, а Нижнешантальским сльвёт он потому, что построен в 7 ½ верстах ниже Шантальского озера, которое находится вблизи берега Камчатки, и в длину вёрст на 10, а в ширину вёрст на 7 простирается. Камчадалы называют его своим языком Ажаба, а с чего казаки прозвали его Шантальским, про то хотя подлинно и неизвестно, однако думать можно, что преж сего бывал там славной какой острожек Шантал» (14, с. 10–11).

То есть, как можно видеть, сам С. П. Крашенинников ничего не говорит о существовании, пусть бы и временном, нового Нижне-Камчатского острога возле оз. Ажабачьего на правом берегу р. Камчатки. Однако это отнюдь не исключает того, что первая попытка отстроить заново острог действительно была приурочена к берегу протоки, соединяющей оз. Ажабачье с р. Камчаткой.

Тем не менее, самый последний из Нижне-Камчатских острогов возник и долго существовал на том месте, на котором в 1736 г. по указу В. Мерлина был построен новый острог с башней о четырёх жильях, а на следующий год – двухпредельная церковь.

«Нижней Камчатской или Нижнешантальской острог от верхнего Камчатского острога в 397 вёрст стоит на том же берегу реки Камчатки не доезжая за 30 вёрст до её устья. Крепость в нём четвероугольная, огорожена палисадником длиной 42, а шириной 40 сажен с проежею рублёной башнею, которая сделана посреди стены западной. Внутри крепости строения церковь во имя Успения Пресвятыя богородицы с пределом Николая Чудотворца, яшашная изба с сеньми и амункою, дом Государев, в котором живут прикащики, два анбара кладовые, в которых содержится яшашная казна и военные припасы. Все строения в рассуждении других острогов изрядное и прочное, для того что всё из листовишного дерева. За крепостью строения обывательских домов 39, да кабак с винокурнею. Жителей всякого чина 92 человека» (15, с. 240).

То есть поставлен был этот острог на косе между Камчаткой и Радугой, ниже устья последней, ибо в те времена Радуга, по свидетельству С. П. Крашенинникова и согласно имеющемуся плану (9, с. 72), впадала в Камчатку под очень острым углом против течения последней. И лишь позднее, после изменения русла р. Радуги, острог был перенесён выше по её течению на берег оз. Красиковского.

Такая вот история с Нижне-Камчатскими острогами получается. Что же касается моей попытки разобраться со всеми этими проблемами, то сразу замечу, что высказанные мною соображения выглядят, скорее, призывом к пересмотру истории этих острогов, нежели полным и, тем более, окончательным её решением. Но ведь и целью моих рассуждений было не абсолютное установление той самой единственной точки на карте, которая бы соответствовала истинному местоположению самого первого острога в районе современных Ключей, а желание разобраться в сплетении суждений и мнений моих предшественников по этому поводу. И, надеюсь, хотя бы отчасти это сделать мне удалось.

Ну и напоследок позволю себе высказать ещё одно соображение, суть которого сводится к тому, что при всех попытках разобраться с ситуацией тех далёких лет, я для того, чтобы продвинуться в нужном направлении, неизменно приходил к мысли о том, что в том или ином случае была допущена ошибка. Причём неважно кем (авторами первоисточников и/или их интерпретаторами), когда и почему она была допущена. Важно лишь то, что вот это понимание приходило лишь тогда, когда появлялась мысль о том, что нужно несколько иначе объяснить исследуемую ситуацию. Другое дело, что для этого всякий раз приходится отрешаться от невольно навязанных представлений. А вот это сделать очень даже не просто, так как десятки лет не критического восприятия всего того, что было написано другими, превратили прочитанное в догму. И чтобы отрешиться от неё, нужно время. Много времени. Отчего я, кстати, никак не могу закончить «сагу» о походе В. Атласова на Камчатку. Но, кажется, уже близок к тому, чтобы более или менее правдоподобно описать его маршрут по югу полуострова. Впрочем, это уже иная история, которая к нашему случаю прямого отношения не имеет.

1. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М.: Наука, 1982. 288 с.

2. Быкасов В. Е. Некоторые неясные места из истории образования первых русских поселений на

Камчатке // Камчатка: прошлое и настоящее: мат. XXI Крашенинник. чтений, Петропавловск-Камчатский. 2004. С. 24–37.

3. Быкасов В. Е. Тропой Владимира Атласова (От реки Алюторы до реки Камчатки). // Камчатский летописец. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2012. С. 306–350.
4. Жилин М. Я. Камчатский Ермак. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2011. С. 7–48.
5. Журнал бытности в Камчатской области мичмана Петра Чаплина // Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытии Берингова пролива. СПб. : Любавич, 2012. С. 22–189.
6. Журнал лейтенанта Алексея Чирикова // Там же. С. 190–312.
7. Зуев А. С. Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. // Тр. гуманитар. фак. Новосибирск : НГУ, 2002. 330 с.
8. Зуев А. С. Восполняя белые пятна // Вопросы истории Камчатки. 2007. Вып 3. С. 108–191.
9. Камчатка XXVII–XX вв. Историко-географический атлас. М. : Роскартография, 1997. 112 с.
10. Козыревский И. П. Тексты «Чертежа Камчадальского Носу и морским островам» // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. сб. док. М. : Наука, 1984. С. 46–52.
11. Козыревский И. П. Тексты «Чертежа Камчадальского носу» монаха Игнатия Козыревского // Колумбы земли Русской. Сборник документальных описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. С. 255–269.
12. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. ; Л. : Главсевморпуть, 1949. 841 с.
13. Крашенинников С. П. Описание дороги студента Крашенинникова. С. П. Крашенинников в Сибири. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 196–224.
14. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. I. СПб. : Наука.; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994а. 438 с.
15. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. II. СПб. : Наука.; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994б. 319 с.
16. Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский. 1967. 130 с.
17. Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец Земли Камчатки. М. : РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. 192 с.
18. Мартыненко В. П. Путешествие в страну Уйкоаль. Петропавловск-Камчатский, 1987. 136 с.
19. Полевой Б. П. Казачья «скаска» 1707 г. о камчатских гейзерах и Ключевской сопке // Вопросы географии Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1965. Вып. III. С. 119–122.
20. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Часть вторая. Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 1997. 203 с.
21. Репорт В. Й. Беринга в Адмиралтейств-коллегию о ходе постройки бота «Св. Гавриил» и подготовке экспедиции к плаванию. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVII века. Сб. док. М. : Наука, 1984. С. 68.
22. РГАДА. СП. Оп. 5. № 1649. С. 133.
23. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск : Кн. изд-во, 1988. 192 с.
24. Сергеев В. Д. Страницы истории Камчатки (Дореволюционный период). Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во. Камч. отд-е. 1992. 192 с.
25. Скаска Вл. Атласова, 1700 г. // Колумбы земли Русской. Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. С. 69–76.
26. Сопозко А. А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан М. : Наука, 1983. 247 с.
27. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Камчат. печат. двор, 1999. 287 с.
28. Челобитная сына боярского Петра Бекетова о поверстании его казачьим головой в Енисейском остроге за походы с «новые земли» и построение Якутского острога // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М. : Географгиз, 1951. С. 93–95.
29. Челобитная казачьего десятника Елисейского острога Елисея Юрьева (Бузы) о жаловании за походы на рр. Оленёк и Яну в 30–40 гг. // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М. : Географгиз, 1951. С. 96–98.
30. Экспедиции Беринга: Сб. док. М. : ГАУ НКВД СССР, 1941. 327 с.

Т. В. Воробьева ЧЕЛОВЕК КАМЧАТСКОГО ФРОНТИРА

Постоянное расширение российской территории, присоединение и освоение новых странств, постепенно интегрировавшихся в ее состав, – важнейший процесс, определивший судьбу народов России. Отсюда – интерес историков к проблемам присоединяемых окраин. Когда отечественная историография освободилась от идеологических ограничений, исследователи обратились к теме «фронтира», основоположником которой считается Ф. Д. Тернер (19). В основе концепции Ф. Д. Тернера лежит идея определяющего влияния на формирование американского общества фактора постоянно движущейся границы, расширявшей территорию государства. Не удивительно, что знакомство с данной концепцией привело отечественных историков к размышлению о различиях и сходствах в истории США и России, государств, «двигавших свои границы» на протяжении долгого периода их существования.

Труды американских исследователей XX в. углубили понимание сути процессов колонизации Америки. Но концепция фронтира по-прежнему используется при изучении широкого круга проблем США. Подвергать сомнению ее истинность в американском обществе считается столь же неприличным, как критиковать Священное Писание (14, с. 5).

Между тем, обращение отечественных исследователей к проблеме фронтира в российской истории вызвало далеко не однозначную реакцию, что породило широчайший спектр позиций. Поскольку целью данной статьи не является анализ отечественной методологии фронтира, мы лишь отметим, что некоторые аспекты созданной Ф. Д. Тернером теории вполне применимы к исследованиям территорий, присоединявшихся к России в процессе ее расширения.

Так, Ф. Д. Тернер в своей работе приводит слова Ф. Дж. Грунда, писавшего в 1836 г.: «Всеобщая склонность американцев к переезду в дикие местности Запада, чтобы расширить свое господство над неодушевленной природой, – это в действительности результат неотъемлемо присущей им мощи, ведущей к экспансии, и эта мощь постоянно возбуждает все классы общества, и значительная часть всего населения непрерывно устремляется в крайние пределы штата, чтобы завоевать пространство для их развития» (19, с. 17).

В свою очередь, крупнейший русский историк XIX в. С. М. Соловьев (1820–1879) полагал, что одним из важнейших законов движения русского общества, развивавшегося на равнинной территории с открытыми границами, являлась колонизация окраин. Однако С. М. Соловьев, придавая определенное значение в деле присоединения Сибири движению «русского народонаселения на северо-восток», решающей силой считал государство (18, с. 715–723).

Фронтиры обеих стран двигались усилиями первопроходцев. Соответственно, люди, вынужденные приспособляться к жизни в новых суровых условиях, оставляющие далеко за собой благу цивилизации, должны были обладать особыми качествами. Ф. Д. Тернер отмечает: «Это грубость и сила, соединяющаяся с пронизательностью и любознательностью; этот практический, изобретательный склад ума, быстро находящий средства для достижения результатов; это мастерское понимание сути материального мира, лишённое артистизма, но мощное в достижении великих целей; эта неугомонная нервная энергия; этот господствующий индивидуализм, работающий ради добра и зла; и в то же время эти жизнерадостность и избыток чувств, которыми сопровождается свобода – все это особенности фронтира...» (19, с. 39).

Одним из явных отличий в историческом восприятии прошлого народами обеих стран стало различное отношение к первопроходцам – тем самым людям фронтира. Тема покорения «дикого Запада» по-прежнему остается одной из самых популярных в США: богатый фольклор; многочисленные вестерны, как «десятицентовые», так и произведения классиков американской литературы; творения «Голливуда»; издающиеся по сей день журналы «Дикий Запад»; восхваление подвигов «героических ковбоев», по сути прославившихся своей беспощадностью к индейцам; постоянное обращение к «наследию фронтира».

В России же, пожалуй, единственным героем-пионером народ помнит Ермака Тимофеевича, покорителя Сибири. Другие имена известны лишь краеведам да историкам. Несмотря на то, что российские покорители далеких земель, при всей их неизбежной жестокости, не предлагали за скальпы коренных жителей вознаграждение, размер которого менялся в зависимости от того, был ли это скальп мужчины, или женщины, или ребенка, и не использовали собак для охоты на туземцев, как это происходило в Америке (Там же, с. 48).

Возможно, это связано с тем, что американский Запад стал воплощением «Великой Меч-